

АНЕКДОТЫ ПРОШЛАГО

Недавно старьевщикомъ былъ проданъ комодъ, въ одномъ изъ ящичковъ котораго оказалась рукопись, подъ заглавіемъ — „Исторія моеѣ жизни,“—повидимому нигдѣ не печатавшаяся. Она полна анекдотами, довольно живо рассказанными. Нѣкоторые изъ нихъ предлагаемъ здѣсь вниманію читателей, не ручаясь за ихъ достовѣрность.

Александръ Акинфьевичъ Кононовъ, изъ дворянъ Смоленской губерніи, Дорогобужскаго уѣзда. Образование получилъ въ Московскомъ Университетѣ въ первой четверти XIX столѣтія. Поступилъ офицеромъ въ Ольвіопольскій гусарскій полкъ. Вышелъ въ отставку поручикомъ и былъ впоследствии Дорогобужскимъ Предводителемъ Дворянства, съ каковой должности попалъ въ Петропавловскую крѣпость. По освобожденіи оттуда, впоследствии, 69-лѣтнимъ старикомъ онъ жилъ въ Петербургѣ въ крайней нуждѣ, въ маленькой каморкѣ, не имѣя иногда обуви достаточно крѣпкой. Дочь его Ольга Александровна воспитывалась въ качествѣ родственницы у извѣстнаго Генерала Путята въ Петербургѣ (Помощн. Вел. Кн. по завѣд. военн.-учебн. завед.), но самъ А. А. Кононовъ ни къ кому не желалъ обращаться за помощію. Часто бывалъ въ кружкѣ Семеновскаго и Анненкова. Прекрасно владѣя иностранными языками, писалъ стихи. Скончался въ началѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ на квартирѣ извѣстнаго художника Мигѣшина, который писалъ съ него картину „неудавшагося писателя.“

Этотъ Кононовъ рассказывалъ какъ очевидецъ:

„Армейскому корпусу, въ который входилъ нашъ Ольвіопольскій гусарскій полкъ, производилась репетиція къ параду. У одного изъ

кавалерійскихъ офицеровъ, при проѣздѣ его мимо Великаго Князя Константина Павловича, оторвалась шпора.

Его Высочество, бывшій не въ духѣ, остановилъ офицера, разбранилъ его довольно крѣпко передъ всѣми и выгналъ изъ фронта.

Вечеромъ этотъ офицеръ, войдя въ залъ гостиницы, гдѣ собирались кавалерійскіе офицеры, замѣтилъ, что ему не отвѣчаютъ на поклоны. Онъ подошелъ къ одному изъ своихъ друзей и на свой вопросъ объ этомъ, услышалъ: „Человѣку, котораго такъ ругаютъ, и который такъ легко выноситъ это, не только не кланяются, но и удивляются, что онъ имѣетъ еще смѣлость носить мундиръ.“ Офицеръ немедленно ушелъ изъ зала.

На другой день войска съ утра выстроились въ полѣ. Передъ самымъ пріѣздомъ Великаго Князя явился въ строй и этотъ офицеръ. На замѣчанія и ропотъ, что ему здѣсь не мѣсто, онъ всталъ однако передъ своимъ взводомъ. Раздалась команда „Смирно!“ Великій Князь объѣхалъ линію войскъ и выскакалъ передъ середину всего фронта.

Вдругъ отъ одного изъ полковъ отдѣлился офицеръ, далъ шпоры лошади и въ карьеръ помчался по направленію къ Великому Князю. Тотъ и всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ. Офицеръ осадилъ коня передъ Великимъ Княземъ такъ близко, что мундштукъ его стукнулъ о мундштукъ лошади Великаго Князя, приложилъ руку къ киверу и громко произнесъ: „Ваше Высочество.... Если бѣ кто оскорбилъ меня, какъ Вы изволили оскорбить вчера, онъ не прожилъ бы и минуты, но я, русскій дворянинъ, не могу пролить Царской крови, но и жить послѣ этого не могу.“ И съ этимъ словомъ выхватилъ изъ кабуры пистолетъ, выстрѣлилъ себѣ въ ротъ и съ разбитымъ черепомъ свалился подъ ноги лошади.

Великій Князь былъ страшно пораженъ этой сценой. Онъ приказалъ похоронить его съ честью и осыпалъ милостями его семейство.“

Въ 1857 году Преосвященный Іеремія *) былъ освобожденъ отъ управленія Н-ской епархіей. Кто то изъ духовенства сочинилъ оду, которая начиналась такъ:

*) Въ мірѣ Соловьевъ.

Еремій нашъ, Еремій,
 Прежде бывшій Архирей,
 Дюжій деспотъ, Церкви Князь,
 Какъ расторглась наша связь,
 Не владыка сталъ—монахъ,
 Запертъ въ четырехъ стѣнахъ;
 Обреченный на покой
 Трупъ отпѣтый, но живой.. и т. д.

Это было повтореніемъ басни Крылова объ умирающемъ лвъѣ...

Правда, что Іеремія былъ строгъ и требователенъ, но былъ справедливъ и не было службы благолѣпнѣе его. О немъ однако ходило много анекдотовъ.

Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Губернская львица, г-жа К...., имѣла привычку ѣздить въ соборъ, одѣтая чуть не по бальному. Не снимая съ руки перчатокъ, она встала разъ близко къ Царскимъ Вратамъ. Во время великаго выхода Іеремія, стоя въ дверяхъ и принимая отъ священника сосудъ, оглядѣлъ г-жу К.... и, обратясь къ иподіакону, громко сказалъ: „Поди скажи госпожѣ К...., что въ перчаткахъ въ храмѣ не стоятъ и не молятся.“ Когда иподіаконъ подходилъ къ барынѣ, та сказала: „Не трудитесь говорить, я слышала; а Вы передайте Преосвященному, что въ такія минуты не подобаешь ему заниматься дамскими ручками“....

Іеремія вставалъ рано и гулялъ по саду... Въ это время пріѣхалъ къ нему старый товарищъ—гражданскій генералъ. Вскорѣ они сидѣли уже около стола, заставленнаго виномъ и закусками. Доложили о пріѣздѣ соборнаго протоіерея. Владыка велѣлъ его принять. Послѣ обычнаго благословенія и краткаго дѣловаго разговора владыка сказалъ: „Вотъ 30 лѣтъ не видался съ другомъ... выпей, отецъ протоіерей, и ты за здоровье дорогого гостя рюмочку.“

„—Еще рано, Преосвященный Владыко!—возразилъ протопопъ, указавъ на часы, на которыхъ было только половина седьмого.

„Ну хорошо, отправляйся!“ сказалъ Іеремія и выйдя въ кабинетъ написалъ записку.

„Вотъ, что, отецъ протоіерей,“ добавилъ преосвященный, „отвези-ка эту записку самолично сейчасъ въ П..... монастырь къ о. архимандриту и отдай ему въ руки.“

Протопопъ поѣхалъ въ монастырь, передалъ архимандриту записочку, въ которой оказался приказъ—оставить протопопа въ монастырѣ впредь до распорядженія. Тотъ попросился было съѣздить къ преосвященному узнать, нѣтъ ли тутъ какой ошибки, но архимандритъ сказалъ, что отпустить не можетъ: указано въ запискѣ „заключить немедленно.“

Три недѣли сидѣлъ протопопъ въ заключеніи. Наконецъ о. архимандритъ самъ освѣдомился у преосвященнаго, не пора ли его выпустить.

Іеремія выслушалъ его благосклонно, но сказалъ: „Еще рано!“

Протопопъ, узнавъ объ этихъ словахъ, понялъ свой проступокъ, ударилъ себя по лбу и сказалъ: „Эхъ я старый дуракъ, какъ же это я раньше то не догадался!“ и рассказалъ архимандриту исторію съ закуской и часами.

Вскорѣ Іеремія потребовалъ къ себѣ протопопа, который явился къ нему въ 5 часовъ утра, однако засталъ уже преосвященнаго за закуской. Іеремія принялъ его ласково и предложилъ выпить рюмочку. Протоіерей налилъ и хотѣлъ поднести ко рту, но владыка остановилъ его, указывая на часы, словами; „Не рано ли?“

„—Давно пора. Владыко!“ возопилъ протоіерей.

Помѣщикъ Лукояновскаго уѣзда Я—въ рассказывалъ, что, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, ему пришлось ѣхать въ Москву на почтовыхъ. На станціи Чернорѣчье, пока ямщики возились съ подмазкой колесъ, онъ усѣлся на лавочкѣ вдоль наружной стѣны дома и случайно обратилъ вниманіе на одно изъ его бревенъ, на которомъ ясно отпечатались четыре ямки, точно кто ихъ прожегъ раскаленнымъ кулакомъ. Онъ обратился за разъясненіемъ къ старостѣ, который сказалъ: „А это вотъ Митюха во хмѣлю наровилъ было урѣзать въ ухо своего пріятеля, да обмишулился и попалъ кулакомъ въ стѣну, ажно

шкуру съ пальцевъ содралъ!“ при чемъ указалъ на Митюху, подмазывавшаго въ то время тарантасъ помѣщика...

Помѣщикъ добавлялъ, что другой подобный отпечатокъ ему пришлось только видѣть въ Константинополѣ въ Софійской мечети, гдѣ показываютъ отпечатокъ руки Магомета на каменной плитѣ.

Въ 50-хъ годахъ въ Арзамасской тюрьмѣ сидѣлъ ардатовскій мѣщанинъ Шебекинъ за производимые имъ чудеса безъ разрѣшенія начальства. Случайно узнавъ о немъ отъ городничаго, одинъ мѣстный помѣщикъ взялъ его себѣ на поруки, признавши въ немъ магнетизера высшей силы. Онъ его привезъ въ Нижній, гдѣ Шебекинъ быстро овладѣлъ общественнымъ вниманіемъ. Пригосновеніемъ рукъ онъ, между прочимъ, моментально излѣчивалъ мигрени и зубныя боли. Одна свѣтская старушка, которую звали Наталіей Карловной и которую знали въ Петербургѣ, Парижѣ и Вѣнѣ, не захотѣла увѣрять въ магнетическую силу Шебекина и разрѣшила въ обществѣ произвести надъ ней самой эти опыты. Будучи изрядной комплекціи, она плотно усѣлась въ кресло и, крѣпко держась руками за его ручки, сказала: „Ну, батюшка, заставляй меня дѣлать что хочешь, а я не сойду вотъ съ этого кресла.“ Шебекинъ отошелъ на середину комнаты, повернулся лицомъ къ Наталіи Карловнѣ и простеръ къ ней обѣ руки. Глаза его, точно загорѣвшіеся внутреннимъ огнемъ, впились въ ея лицо. Съ минуту длилась тишина... Вдругъ Наталія Карловна поблѣднѣла, выраженіе лица у ней стало какимъ то деревяннымъ и по тѣлу ея пробѣжала дрожь. Шебекинъ медленно, не спуская съ нея глазъ, началъ отступать къ дверямъ въ залу, какъ бы съ усиленіемъ сгибаясь то вправо, то влѣво.

Нат. Карл. задрожала сильнѣе, выпустила изъ рукъ ручки кресель, порывисто поднялась и двинулась шагъ за шагомъ за магнетизеромъ. Такъ они вышли въ залъ, и когда Нат. Карл. подошла къ круглому обѣденному столу, Шебекинъ повелительно показалъ ей рукой на столъ, и, что удивительнѣе всего, Н. К., не смотря на свою грузность, съ легкостью пера очутилась на столѣ и сѣла посерединѣ его.

Когда магнетизеръ вышелъ изъ зала, Н. К. снова задрожала, лицо ея измѣнилось въ обыденное и, протеревъ глаза, она съ удивленіемъ оглядѣлась вокругъ.

Когда ее стащили съ импровизированнаго пьедестала, она сказала: „Теперь и я вѣрю въ силу магнетизма!“ пожелала видѣть Шебекина и уговаривала его ѣхать въ Парижъ, гдѣ, по ея словамъ, онъ сдѣлается вторымъ Калиостро и наживетъ себѣ милліоны.

Этимъ предложеніямъ не суждено было осуществиться: въ первую же ярмарку Арзамасскій Калиостро опидся до смерти въ кругу спившей его компаніи Московскихъ и Сибирскихъ купцовъ.

Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія подъ Арзамасомъ въ Шатковскихъ лѣсахъ держалась многочисленная шайка разбойниковъ съ атаманомъ Рамзей, изловленнымъ лишь въ 60-хъ годахъ и разстрѣленнымъ въ Нижнемъ.

Въ жаркій іюльскій день карета въ 8 лошадей, тарантасъ пятерикомъ и перекладная повозка тройкой тащились по сыпучимъ пескамъ Шатковского лѣса отъ Арзамаса къ Лукоянову. Въ каретѣ, задыхаясь отъ жары, помѣщалась съ своей камеристкой знаменитая танцовщица Фанни Эльснеръ, ѣхавшая изъ Москвы въ Пензу. Въ заднихъ экипажахъ помѣщались ея секретарь, переводчикъ и лакей съ сундуками, заключающими въ себѣ безчисленные костюмы и туалетныя принадлежности.

Не доѣзжая рѣчки Елатымы, изъ лѣсу показалась кавалькада челоуѣкъ въ 30 вооруженныхъ людей. Экипажи были окружены, и владѣлицу кареты грубо попросили выйти и облегчить свой багажъ. Несчастная танцовщица, рыдая и дрожа отъ страха, не могла произнести ни слова. Начальникомъ шайки оказался самъ Рамзя, которому молва приписывала рыцарскія наклонности. Когда переводчикъ объяснилъ ему, кто была путница, онъ ласково сказалъ, что много слышалъ, очень радъ встрѣтить и желалъ бы видѣть ея прославленное искусство.

Бѣдняжка только тогда поняла, что ожидалъ отъ нея грозный разбойникъ, когда была отведена на ближайшую лѣсную поляну, и камеристка въ сопровожденіи 4 разбойниковъ принесла одинъ изъ сундуковъ съ ея костюмами.

Рамзя разъяснилъ, что если она хочетъ ѣхать спокойно далѣе, то должна протанцовать передъ разбойниками въ подходящемъ костюмѣ

одинъ изъ тѣхъ танцевъ, которыми она плѣняла обѣ столицы. Пришлось переодѣться, и изъ густыхъ кустовъ, окаймлявшихъ опушку, вылетѣла легкая сильфида на горячій песокъ въ полукругъ, образованный спѣшившимися разбойниками.

Для М. Петипа это былъ бы прекрасный сюжетъ новаго балета: „Сильфида въ гостяхъ у Рамзи“...

Сдѣлавши нѣсколько пируэтовъ, танцовщица отъ жары и страха упала на землю. Живо была доставлена вода, чтобы привести ее въ чувство, и приказано бережно отнести и переодѣть въ дорожный костюмъ.

Преданіе пополняетъ, что когда танцовщица была снова въ каретѣ, Рамзи положилъ къ ней кошелекъ съ 100 червонцами, прося не поминать его лихою и помнить, что русскіе разбойники умѣютъ цѣнить искусство.

Въ концѣ XVIII столѣтія Выѣздная Слобода подъ Арзамасомъ принадлежала Василию Петровичу Салтыкову, бывшему посланнику во Франціи при Людовикѣ XVI. Она перешла къ нему преемственно по наслѣдству отъ братьевъ Царицы Прасковьи Федоровны (Алексѣя и Василія Ѳеодоровичей)—матери Императрицы Анны Іоанновны. Пожалована же эта слобода была еще въ 1635 году боярину Борису Михайловичу Салтыкову, дѣду Царицы Прасковьи Ѳеодоровны, Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Хотя Василій Петровичъ Салтыковъ и сохранилъ о себѣ память, какъ человекъ гуманный, образованный и вѣрующій, но благодаря его знатности и могуществу выѣздовскіе крестьяне приобрѣли столь привилегированное положеніе, что на нихъ въ тѣ времена не было ни суда, ни расправы.

Въ отношеніи всего внѣшняго міра выѣздовцы крѣпко стояли за своихъ, не выдавали другъ друга и были ограждены со всѣхъ сторонъ знатностью своего барина Василія Петровича. Арзамасскія городскія власти не имѣли права являться въ Выѣздную Слободу. Спрячется ли тамъ кто отъ солдатчины или отъ уплаты долговъ, или отъ тюрьмы, свезутъ ли туда краденное.—съ обыскомъ въ Выѣздную не смѣли ходить, да мѣстныя власти и не пускали. Благодаря этому

многіе выѣздовскіе жители стали заниматься грабежемъ и разбоями, какъ постояннымъ промысломъ. Одна изъ улицъ до сего времени сохранила за собой названіе „Погибловки.“

Передъ проѣздомъ черезъ Выѣздную Слободу отъ Москвы или въ Москву (черезъ Муромъ) служили обыкновенно молебны.

Именитый Арзамасскій купецъ Сергѣй Ивановичъ Поповъ, умирая, собралъ свое семейство и между другими наставленіями сказалъ дѣтямъ слѣдующее: *)

„А вотъ въ Выѣздную, смотрите. зря не ходите — будьте осторожны. Я никому никогда не говорилъ до сей поры, а теперь передъ смертью для Вашей пользы скажу вамъ, что тамъ однажды со мной случилось.

„Былъ я по дѣлу у одного знакомаго торговца, котораго зналъ и считалъ за добросовѣстнаго человѣка, торговалъ у него товаръ, да чтобъ онъ мнѣ уступилъ. угораздило меня сказать ему: „Ну, уступай что ли, а денежки *сію минуту* получай!“ а съ самимъ и денегъ то не было! Они подумали, что я дѣйствительно съ деньгами пришелъ, накинулись на меня и стали меня душить. На колѣняхъ, со слезами умолялъ я, чтобъ меня не губили. Не найдя при мнѣ денегъ и зная, что я имъ и впередъ нуженъ, они меня отпустили, вынудивъ заклаться самыми страшными клятвами, что я никому не скажу о происшедшемъ. и пригрозили, что если я съ ними прекращу торговья дѣла, то они меня найдутъ. Помня свои ужасныя клятвы, я и сейчасъ вамъ не скажу, у кого это было, но предупреждаю васъ: „берегитесь!“

Неподалеку отъ роши „Утѣшной,“ гдѣ В. П. Салтыковъ устраивалъ постоянныя гулянья съ музыкой, куда собирались и помѣщики и крестьяне, при чемъ Выѣздовскія крестьянки одѣвались въ золототканые сарафаны. съ жемчугами и самоцвѣтными камнями, не уступая Арзамасскимъ купчихамъ,—между тѣмъ у этой роши въ темныя осеннія ночи, на большой Московской дорогѣ. часто раздавались раздирающіе душу стоны и крики ограбленныхъ и убиваемыхъ выѣзд-

*) Заимствовано изъ „Историческихъ свѣдѣній о городѣ Арзамасѣ,“ собранныхъ Н. М. Щегольковымъ, издан. въ г. Арзамасѣ 1911 г. Объ этой интересной для изслѣдователей мѣстной старины книгѣ мы поговоримъ подробно въ другой разъ, а пока укажемъ, что ее можно выписывать изъ Арзамаса отъ автора (цѣна ея 2 р. 50 к.), 280 стр. текста съ рисунками.

новцами проѣзжихъ людей. Трупы и вещественныя доказательства бросались въ „Брехово болото“, окружающее „Утѣшную.“

Выѣздновскія женщины до сего времени имѣютъ особое усердіе поминать за упокой всѣхъ православныхъ христіанъ....

Грабили и на Выѣздновскомъ мосту черезъ рѣку Тешу подъ самымъ городомъ, и островъ, здѣсь находящійся, ранѣе принадлежалъ городу, но Арзамасское общество уступило его добровольно Салтыкову, чтобы избавиться отъ отвѣтственности за тѣхъ людей, трупы которыхъ часто находили на этомъ островѣ.

Зимою выѣздновцы иногда вывозили трупы убитыхъ черезъ городъ и бросали ихъ около такъ называемыхъ „убогихъ домовъ“, а выѣздновскія старухи долго потомъ еще ходили наканунѣ Семика къ этимъ домамъ совершать панихиды по всѣхъ „здѣ лежащихъ“....

Нечего добавлять, что Камергеръ Салтыковъ не зналъ и не подозревалъ о всемъ сопровождающемъ его отеческое правленіе и думалъ, что все вокругъ его благоденствуетъ, между тѣмъ какъ именемъ его прикрывались всякія неправды и преступленія (Н. М. Щегольковъ).

Уже къ нѣсколько позднѣйшимъ временамъ относится нижеслѣдующее характерное преданіе, взятое изъ найденной рукописи:

Бѣхалъ изъ Мурома богатый купецъ, котораго давно поджидали въ Выѣздномъ.

Арзамасъ былъ уже близко, и купецъ крестился на блестяшіе на горѣ церковныя кресты и куполы, вознося молитвы за благополучный проѣздъ Муромскими лѣсами и подъ Выѣзднымъ.

Вдругъ, не доѣзжая большого моста черезъ Тешу, съ правой стороны улицы у одного изъ домовъ отворились ворота, и ямщикъ, завернувъ лошадей, погналъ прямо на дворъ. Купецъ, сообразивъ въ чемъ дѣло, выскочилъ у воротъ изъ тарантаса, вспрыгнувъ на случайно стоявшую у уличнаго столба чью то лошадь и, пользуясь тѣмъ, что тройка застряла въ воротахъ, ускакалъ въ городъ. Явившись къ исправнику, купецъ рассказалъ о случившемся. Тотъ выслушалъ его, тотчасъ приказалъ подать тройку, пригласилъ купца указать ему домъ, и вмѣстѣ помчались въ Выѣздново.

Подъѣхавъ къ указанному дому, исправникъ и купецъ вошли на дворъ, гдѣ нѣсколько мужиковъ дѣлили между собой узлы и чемоданы.

„Что вы, мерзавцы, подѣ судъ что ли хотите меня упечь, что выпускаете птицъ изъ клѣтки? Смотрите, чтобъ болѣе этого не было, а то не сносить вамъ головъ!..“ крикнулъ имъ исправникъ и круто повернувъ, вышелъ съ хозяиномъ на улицу, захлопнувъ калитку.

Получивъ пакетъ, онъ сѣлъ въ тарантасъ и уѣхалъ, не обращая уже вниманія на отчаянные крики, раздававшіеся за воротами.

Сообщ. Ив. Бр-ій.

